

М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ
 ТОЛКОВАНИЕ ПОВЕСТИ «ЛУКИЙ, ИЛИ ОСЕЛ»
 АЛЕКСЕЕМ МАКРЕМВОЛИТОМ

Постановка вопроса о толковании Алексеем Макремволитом повести «Лукий, или Осел» представляет интерес в связи с тем, что проблемы поздневизантийской литературы очень слабо исследованы. Об одном из ее представителей — Алексее Макремволите — стали говорить лишь в самое последнее время в связи с публикацией И. Шевченко «Разговора между богатыми и бедными»¹. Однако Алексей Макремволит не только публицист. Он известен и как поэт², и как историк³, и как литературный комментатор. Эти стороны творчества Алексея Макремволита не стали еще предметом специального исследования со стороны историков и литературоведов.

Опубликованный А. Пападопуло-Керамевсом в 1899 г. один из опусов Алексея Макремволита, названный в рукописи «τοῦ αὐτοῦ Ἀλεξίου τοῦ Μακρεμβολίτου ἀλληγορία εἰς τὸν Λούκιον ἢ ὄνον»⁴, дает нам возможность познакомиться с еще одной стороной его литературной деятельности. Здесь автор выступает как своеобразный критик и интерпретатор, стоящий на нравоучительно-христианских позициях. «Аллегория» невелика по объему — она немногим более 100 строк. В рукописи Sabbaticus 417 XIV в. Иерусалимской патриаршей библиотеки объяснение Алексея Макремволита на повесть Лукиана занимает 2,5 листа и числится одиннадцатым (из тринадцати) его трудом⁵.

Интерпретация повести «Лукий, или Осел» Алексеем Макремволитом специально не изучалась⁶. Издатель текста «Аллегории» А. Пападопуло-Керамевс называет ее «любопытным объяснением» к рассказу Лукиана⁷. К. Крумбахер в короткой аннотации на публикацию подчеркивает, что в христианском толковании Лукиана Макремволитом все факты получают моральное или теологическое значение⁸. Названная статья И. Шевченко

¹ ЗРВИ, 1960, 6, p. 205—216.7

² *Fabricius-Harles*. Bibliotheca graeca, XI, 1808, p. 558; *Manuelis Philae carmina*, ed. E. Miller, I, 1855, p. 215, 370, 449, 455, 457.

³ *A. Papadopoulos-Kerameus*. Ἀνάλεκτα τῆς Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, I, 1891, p. 144—159; *idem.*, Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, II, 1894, p. 533—536. Изложение содержания отдельных фрагментов неизданных сочинений Алексея Макремволита см. *I. Sevchenko*. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between Rich and the Poor» — ЗРВИ, 1960, 6, p. 187—202.

⁴ ЖМНП, ч. 321, 1899, январь, стр. 19—22 (далее — А).

⁵ Там же, стр. 19.

⁶ Когда эта статья была написана, мне стало известно, что С. В. Полякова также заинтересовалась толкованием Алексея Макремволита. См.: «IV конференция по классической филологии, ноябрь 1969. Тезисы докладов». Тбилиси, 1969, стр. 37—38.

⁷ ЖМНП, стр. 19.

⁸ ВЗ, VIII, 1899, S. 555—556.

содержит несколько строк информации об «Аллегории» Алексея Макремволита⁹.

Говоря об «Аллегории», нельзя не коснуться вкратце вопроса об авторе повести, комментируемой Алексеем Макремволитом. В течение долгого времени автором «Лукия, или Осла» считался Лукиан из Самосаты. В исследовательской литературе спор шел преимущественно не об авторе повести, а о первенстве в избрании темы Лукием из Патр, Лукианом Самосатским и Апулеем¹⁰. В настоящее время авторство Лукиана решительно подвергнуто сомнению. Автором «Лукия, или Осла» сейчас называют условно некоего Псевдо-Лукиана.

Однако несомненно, что Алексей Макремволит воспринимал эту повесть как сочинение, принадлежавшее перу Лукиана. Свою «Аллегорию» Макремволит начинает с упоминания имени Лукиана (Ἐὶ καὶ ἐν πᾶσι σφεδὸν τοῖς αὐτοῦ λόγοις Λουκιανὸς καταφεύδεται. — А, стр. 19). Нами ни в коей мере не решается вопрос об авторе повести. Следуя за Алексеем Макремволитом, будем называть его Лукианом.

Заслуживает внимания самый факт обращения Алексея Макремволита к теме повести Лукиана, писателя-атеиста II в. Правда, Византия, в отличие от средневековой Западной Европы, не забывала Лукиана¹¹. С одной стороны, следует назвать различного характера — удачные и неудачные — подражания Лукиану (диалоги «Цезари», «Филопатрис», «Тимарион»). Но с другой стороны, вполне естественным для средневековья является и негативное отношение к автору, в сочинениях которого ярко проявляются атеистические настроения. В словаре «Суда», как известно, Лукиан получил отнюдь не лестную характеристику.

Восприятие Лукиана Алексеем Макремволитом далеко от этих двух упомянутых проявлений отношения к этому автору. В его «Аллегории» налицо, казалось бы, несоединимое — попытка истолковать поступки героев повести сатирика-атеиста с точки зрения норм христианской морали. Видимо, это следует объяснить тем, что в кругах византийской интеллигенции середины XIV в. стали чаще обращаться к сюжетам, героям и авторам античности, и Макремволит взял на себя миссию примирить Лукиана с христианскими представлениями о жизни человека, его поступках, его морали.

Поскольку задача, которой подчинена «Аллегория» Алексея Макремволита — примирить атеиста с христианством, — сложна, все сочинение проникнуто некоей двойственностью, противоречивостью. Несколько раз Алексей называет рассказ Лукиана, объяснить который он взялся, «бесмыслицей, небылицей, пустой болтовней»; он считает, что Лукиан «несет вздор» (А, стр. 19). Но в то же время он находит в объяснение всего этого, с его точки зрения, «вздора» соответствующие места из Псалтири, Евангелия от Луки, Матфея, Посланий к коринфянам, филиппийцам и др.¹²

В композиционном отношении «Аллегорию» Алексея Макремволита можно разделить на две части. В первой после короткого вступления, содержащего утверждение о вздорности и нелепости рассказанного Лукианом, конспективно излагается сюжет Лукиановой повести (приезд Лукия в землю фессалийцев; его знакомство с Палестрой, служанкой Стратига, с целью обрести крылья посредством ее колдовства; превращение Лукия в осла; похищение Лукия-осла грабителями, бегство из стана разбойников вместе с плененной девушкой; предполагаемая страшная

⁹ I. Sevčenko. Op. cit., p. 194.

¹⁰ E. Rohde. Über Lucians Schrift Lucios e onos. Leipzig, 1869.

¹¹ W. Madyda. Byzantyska polemika z Lukianem. — «Meander», 1. Warszawa, 1946.

¹² О нравственных и аллегорических толкованиях греческого романа в Византии см.: С. В. Полякова. Из истории греческого романа в Византии («Эфиопика» Гелиодора в толковании Филиппа Философа и Иоанна Евгеника). — ВВ, 31, 1971, стр. 243—248.

казнь девушки и осла; спасение их отцом и женихом девушки; перипетии жизни Лукия-осла на мельнице; работа осла у иерея; чудесное спасение).

Во второй части «Аллегории» Алексей Макремволит пытается объяснить основу повести. Прежде всего он считает необходимым подвергнуть критике самую завязку и стержень сюжета: человек в соответствии со словом Творца (τῷ δημιουργικῷ λόγῳ) бессилён превратиться в неразумную тварь, так же как бессловесное существо никогда не станет разумным (А, стр. 20).

Далее Алексей Макремволит переходит к объяснению рассказа. Он считает, что факт превращения Лукия в осла явился проявлением божьего наказания за то, что он, возжелав обрести крылья и попасть на небеса (т. е. туда, где ожидают Спасителя Иисуса Христа)¹³, осквернил себя колдовскими мазями. Поскольку Лукий вместо молитв и святых слов прибегал к вздору и неподобающим рассказам, он утрачивает человеческий облик и привычки. Вместо радости полета испытывает Лукий все тяготы и унижения жизни в шкуре осла. Горести «ослиной» жизни Лукия являются, в интерпретации Алексея Макремволита, наказанием господним за его пристрастие к наслаждениям.

Кульминационным моментом в «Аллегории» Алексея Макремволита можно считать объяснение эпизода неожиданного спасения главного героя рассказа из рук разбойников. В изложении Алексея Макремволита главный разбойник олицетворяет демона, сатану, а весь разбойничий стан — те темные силы, во власть которых попал Лукий. Отец девушки, спасший ее и Лукия-осла из рук разбойников, представлен в толковании самим богом, который рад спасти заблудшую овцу¹⁴. Он не просто отец девушки, а отец девичества (τῆς δὲ παρθενίας πατήρ ὁ θεός. — А, стр. 21), непорочного, чистого и светлого. Жениха девушки Алексей Макремволит называет Словом божьим.

Будучи спасенным, Лукий испытывает раскаяние и отвращение к прежней грязи удовольствий, но господь ниспосылает ему новые испытания, ибо нелегко вырваться из-под власти пороков (А, стр. 22). Пахля горит на спине осла, его лягают и кусают в стаде, он подвергается угрозе оскотления.

Описывая и комментируя мучительную жизнь Лукия-осла на мельнице, автор «Аллегории» поучительно дает читателям христианские наставления относительно нравственности: «Лучше оскотление, чем неукротимая страсть к соитию, ибо в чрезмерной филимании обнаруживается слабость души» (А, стр. 22).

Жизнь Лукия на мельнице толкуется Алексеем Макремволитом как время его душевных терзаний и раскаяния: «Мучилась душа и сжигалась памятью позорных и нелепых дел» (А, стр. 22). И в силу наступившего раскаяния Лукия господь приходил к нему на помощь всякий раз в самый крайний момент. Так, неожиданное спасение Лукия-осла от смерти в огне объясняется Алексеем Макремволитом как деяние господя: «огонь погасила вода крестящего отца» (τὴν φλόγα τὸ τοῦ θεοῦ βαπτίσματος ὕδωρ ἀπέσβεσεν. — А, стр. 22).

Жизнь Лукия у иерея Алексей Макремволит рассматривает как шаг на пути к спасению. Нося изображение бога на своей спине, Лукий «принимал участие в таинствах и стал обиталищем бога» (А, стр. 22). Осел начал тайно принимать человеческую пищу — хлеб и вино. Проискал Палестры интерпретатор противопоставил Надежду, которой был движим Лукий, принявший образ осла. И только вкушение роз способствовало превращению неразумного существа в человека (А, стр. 23). Эпизод

¹³ Послание к филиппийцам, 3, 20.

¹⁴ Матф., 18.11—12; Лука, 15.4.

с розами представляется Алексею Макремволиту — в соответствии с текстом Священного писания — напоминанием о Христовом благоухании¹⁵.

В «Аллегории» чувствуется стремление примирить Лукиана с образом мыслей, присущих эпохе XIV в. Алексей Макремволит хочет «улучшить» Лукиана, сделать его пригодным для восприятия христианским читателем. Бытовые детали фабулы «Лукия, или Осла» насыщаются у Макремволита символикой, якобы скрывающей истинный высокий смысл повести. Сюжетные ситуации получают наивно-серьезную нравоучительную интерпретацию. Несомненно, направленность Макремволитова толкования определена не только символизмом христианского миропонимания, но и тем духом иносказания, подтекста, который в высшей степени характерен для византийской литературы XIV в.¹⁶ Натянутость, подчас нелогичность этих объяснений свидетельствуют о том, что Алексей Макремволит обратился к повести Лукиана отнюдь не для его критики или защиты, а из стремления устранить, убрать все то, что не сообразно с моральными нормами его времени.

Приписывая повести не присущий ей аллегоризм, Алексей Макремволит, таким образом, пытается акклиматизировать ее в византийских условиях. Но адаптивное сочинения, автор которого смеется и издевается, выглядит, несомненно, искусственным.

По всей вероятности, Алексею Макремволиту была известна сокращенная версия «Лукия, или Осла»¹⁷, поскольку некоторые эпизоды повести, которые не мог принять христианский писатель, у Макремволита не получили толкования. Так, в «Аллегории» обойден молчанием сюжетный момент, связанный с непристойным поведением жрецов, прятавших украденное за пазухой у богини, а также те места повести, которые имеют отчетливо эротическую окраску.

С точки зрения литературных достоинств рассматриваемый опус Алексея Макремволита выглядит несравненно беднее, чем его «Разговор между богатыми и бедными». Полемический талант Макремволита, столь ярко звучащий в «Разговоре», в «Аллегории» не проявился. Несомненно, что в «Разговоре» Алексей Макремволит выступает как более зрелый писатель, — может быть, потому, что там его творчество опиралось на реальную почву социальных противоречий в византийском обществе, было связано с бурным городским движением 40-х годов XIV в.

Издатель рукописи А. Пападопуло-Керамевс не предлагает датировки сочинения. Исходя из явно дидактического характера «Аллегории», будет разумным отнести ее к тому периоду творчества Алексея Макремволита, когда он учительствовал. Однако и это предположение не дает оснований для какой-нибудь датировки «Аллегории» — мы очень мало знаем о жизни Алексея Макремволита (наиболее точно датированные периоды его жизни: 1341—1342 гг. — служба у Патрикия, 1343—1344 гг. — написание «Разговора»)¹⁸. При современном состоянии вопроса датировка «Аллегории» не представляется возможной. Остается предположить, что публикация произведений Алексея Макремволита, находящихся в рукописях, прольет некоторый свет на историю и время создания «Аллегории».

¹⁵ Второе послание к коринфянам, 2.15.

¹⁶ I. Sevcenko. Society and Intellectual Life in the XIVth Century. — «XIVe Congrès International des Etudes byzantines. Rapports, premier thème». Bucarest, 1971, p. 25; H. Hunger. Aspekte der griechischen Rhetorik von Gorgias bis zum Untergang von Byzanz. — «Österreichische Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Klasse, Sitzungsberichte», Bd. 277, Abh. 3. Wien, 1972, S. 9.

¹⁷ С. В. Полякова. Из истории античного романа в Византии (Толкование на «Лукия, или Осла» Алексея Макремволита). — «IV конференция по классической филологии...», стр. 37—38.

¹⁸ I. Sevcenko. Alexios Makrembolites, p. 190—191, 200.